

ОН ВХОДИТ ЖИВЫМ

Казарма смотрит на него раньше, чем он понял правила.

Первый приказ

Это не служба. Это власть без объяснений.

Ритуал уменьшения

Его заставляют делать мелочь — и ставят ниже.

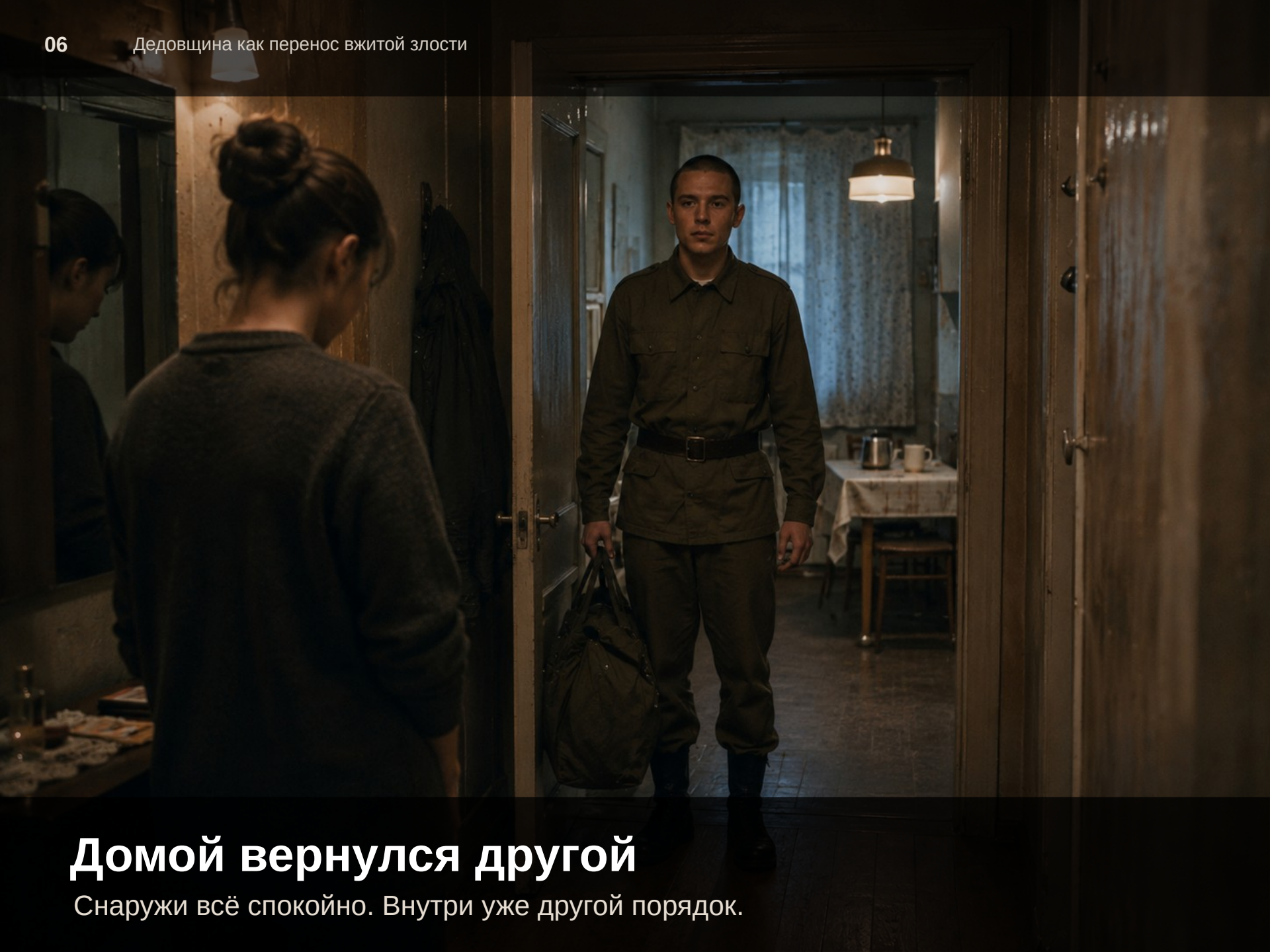
Нельзя ответить

Злость есть. Адреса нет.

Ночь собирает узел

Стыд, бессилие и злость остаются внутри.

Домой вернулся другой

Снаружи всё спокойно. Внутри уже другой порядок.

Первый срыв в быту

Ошибка близкого становится поводом командовать.

Ошибка на работе

Он не объясняет. Он ставит другого ниже.

Слабость ребёнка

Он видит не боль. Он видит слабость.

Язык казармы на работе

Тот же жест. Уже не казарма.

Другой начинает сжиматься

Теперь молчит уже не он.

Казармы нет. Язык остался.

Дома. На работе. В семье.

Это не частная история

Точного числа нет.

Но данные показывают:

дедовщина была массовым опытом,
а не редким исключением.

Казарма заканчивалась.

Её язык мог возвращаться домой.